

ЕВГЕНИЙ ПАНОВ

ПРИЗВАННЫЕ К ДРУГОЙ ЖИЗНИ

ПРИКОСНОВЕНИЕ К
ТАЙНОЗНАНИЮ

Евгений Панов

**Призванные к другой жизни.
Прикосновение к тайнознанию**

«Издательские решения»

Панов Е.

Призванные к другой жизни. Прикосновение к тайнознанию /
Е. Панов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836718-2

Будущее, как сказали братья Стругацкие, уже запускает щупальца в сердце настоящего. Наш мир меняется, перемены все заметнее. Что они нам принесут? Мы не знаем. Эволюция бесконечна, неостановима, неумолима, часто болезненна. Особенно у нас, в России. Но прогресс без напряжения невозможен...

ISBN 978-5-44-836718-2

© Панов Е.
© Издательские решения

Содержание

Призванные к другой жизни	6
«Иди к нам, ты нам подходишь»	6
Ни расчета, ни обиды, ни мести	7
Планетарное предназначение	8
Посвятительный импульс	10
Земля, лес, река	11
Тип эволюции	12
Этническая матрица	13
Раскол? Нет, клонирование	14
Имперский ритм	15
Клуб на мосту	16
Этический код	17
Поиск места	19
Цивилизационная генетика	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Призванные к другой жизни Прикосновение к тайнознанию Евгений Панов

© Евгений Панов, 2017

ISBN 978-5-4483-6718-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Призванные к другой жизни

«Иди к нам, ты нам подходишь»

Я – русский. И значит, категорически не француз, не японец, не мексиканец. А каждый из них категорически не русский. Я всем им противопоставлен. Есть мы, русские, и есть все остальные: эскимосы, немцы, перуанцы, зулусы. Все они противопоставлены русским. А русские противопоставлены всем этим народам вместе и каждому из них в отдельности. А вот насколько справедливо это в отношении белорусов и украинцев? В какой-мере: ведь мы, например, все-таки не до конца, не до тонкостей понимаем язык друг друга. Однако, не всегда улавливая оттенки, мы всегда уразумеем смысл родственной славянской речи. Отчасти мы противопоставлены, но в большей степени комплиментарны. Комплиментарность – это подсознательная симпатия. «Иди к нам, ты нам подходишь», – могут сказать русские украинцу и белорусу, украинцы – белорусу и русскому, белорусы – русскому и украинцу. Никому другому мы – ни по отдельности, ни вместе – сказать этого не можем. Никому! Не только далекому австралийскому аборигену, но и славянину южному – македонцу, болгарину или славянину западному – поляку, чеху.

Впрочем, не подходить друг другу мы попросту не можем. Мы части одного целого, ветви одного древа. Сему этническому дереву, как говорят историки, две тысячи лет. Они считают с первых славянских памятников, а они известны со II века. Были ли славяне до этого? Скорее, были праславяне, которых византийцы называли антами, а древнерусские летописцы – полянами, был маленький народ, который, выйдя из карпатских лесов, умножился и распространился со временем до берегов Балтийского, Эгейского и Средиземного морей, залил весь Балканский полуостров, а главное для нас, осел на Днепре. Славянская экспансия, по свидетельствам исторических источников, началась в IV веке, длилась до середины VI века и закончилась слиянием с племенами, которые уже жили на Днепре.

К концу VIII века оформился древнерусский этнос и скрепляющее его древнерусское государство. В XII веке Киевская Русь фактически сошла с исторической сцены. Раскол древнерусского этноса произошел в XIV веке. Северо-восточные русичи слились с мерей, муромой, вепсами и тюрками из Великой степи – образовались русские. Юго-западные перемешались с литовцами и половцами – образовались белорусы и украинцы. Три народа стали тремя ветвями единого древа, древнерусский этнос вырос в российский суперэтнос, ему снова понадобилась общая политическая, военная, экономическая организация, которая сложилась тогда, когда в XVII веке в состав русского государства постепенно втянулись Белоруссия и Малороссия.

Куда подробнее историческая канва изложена в исторических сочинениях. Однако многочисленные и красочные подробности былого совершенно неоднозначны. Серьезные, проверенные факты иллюстрируют мысль о единстве наших народов, об общности нашей судьбы. Не менее значительные примеры свидетельствуют об обратном. Возьмите хотя бы историю воссоединения Украины с Россией. К каким умозаключениям она должна нас подтолкнуть?

Ни расчета, ни обиды, ни мести

Богдан Хмельницкий, как и казачьи вожди до него, не раз обращался к России с просьбой о присоединении терзаемой поляками Украины, однако московское правительство колебалось. И понятно, почему. В Речи Посполитой видели союзника в борьбе со Швецией, закрывавшей России выход к Балтике. Уважить просьбу Украины означало превратить сильную Польшу из союзника в злейшего врага. Москва копила силы для войны со шведами в Прибалтике, а тут пришлось бы воевать на два фронта!..

Для решения головоломной задачи созываются два Земских собора. Собор 1651 года уходит от решения, Собор 1653 года высказывается за принятие Малой Руси «под высокую руку государя всея Руси» – вопреки насущной необходимости «прорубить окно в Европу». Едва окрепшая Россия вступает в четырнадцатилетнюю войну с Польшей. Удар царских войск в белорусском направлении отвлекает основные польские силы, что позволяет казаком очистить от шляхты всю Украину.

А дальше случается измена. По призыву преемника Богдана Хмельницкого гетмана Выговского к самостоятельности малороссийские города изгоняют москалей. Как и следовало ожидать, самостоятельность мгновенно оборачивается зависимостью от Польши. Все возвращается на круги своя. Рада сбрасывает Выговского, избирает гетманом Юрия Хмельницкого, бьет челом перед царем о возобновлении «статей» Переяславской рады и о помощи против Речи Посполитой. Московское войско опять вступает на Украину и... опять случается предательство – на сей раз казацкой верхушки.

Измен будет еще много. Еще много раз будут собираться Рады. И новых гетманов будет много. Под их властью растерзанная междоусобицами Украина превратится в сплошную руину. Выйти из смуты без помощи России Украина уже не могла. Она снова просит московское правительство ввести войска, но Москва, ссылаясь на прошлые «воровство и измены», отказывается. Тогда малороссийские мещане соглашаются на правление царя «по всей его государственной воле» – так же, как и всеми прочими землями и городами царства. Украина готова войти в Россию на условиях безусловного подчинения и только на таких условиях Россия возвращается на Украину.

Первый и главный вывод из этой истории таков: она, история, не могла бы разыгаться, скажем, в британском мире, в отношениях, допустим, между Англией и Шотландией. Там, где нет друзей или врагов, есть только интересы, подобное немыслимо, там главенствует прагматизм, целесообразность, соображения государственной выгоды – все то, чего не обнаружишь в отношениях между Москвой и Малороссией. В них не заметно ни расчета, ни обиды, ни мести. Москву не однажды предают, но ни разу она не становится в позу оскорбленной гордости, ни разу не требует компенсации. Москва терпит и прощает. Так один брат ждет, когда наконец перебесится второй, а что перебесится, вернется домой, займется общим – отцовским – делом, сомнений нет, ведь деваться ему некуда. Это не юридические отношения, отношения договора или контракта. Это отношения крови, судьбы. Это связанность миссией, а в терминах Даниила Андреева, – долженствованием сверхнарода, три части которого составляют белорусы, украинцы и русские.

Планетарное предназначение

Сверхнарод этот, на языке Даниила Андреева, или суперэтнос, на языке Льва Гумилева, предназначен Всевышним для выполнения неповторимой задачи в масштабах планеты. Эту мысль трудно оспаривать. Она неоспорима, как всякая метафизическая истина. И все-таки... Суперэтнос, сверхнарод, да просто народ – это нечто реальное или собирательно-ирреальное? С одной стороны, народ – мифологическое обобщение, с другой, это все мы. Все вместе мы и составляем сверхнарод. Наше высшее предназначение нам не очень, а честно говоря, совсем не понятно. Какую-то роль в мировом, особенно, в евразийском процессе мы играем и должны играть дальше, так-то оно, конечно, так, но в чем конкретно она состоит, нам тоже не известно. И это в порядке вещей. Миссия суперэтнуса приоткрывается немногим его представителям – философам, провидцам, поэтам и выражается через них, правда, обычно в символической форме. Однако бывают и исключения. Иногда удается выразить характер миссии словами, представить ее ментально, рационально.

Вот что пророчествовала в книге «Судьбы наций» Алиса Бейли, следующая после Е. П. Блаватской официальная провозвестница Шамбалы: из России выйдет новая магическая религия; это будет именно великая и духовная религия, а не политическая идеология; она залетит мир лучами Солнца Справедливости, оправдает «распятие» великой нации, явив себя «сфокусированной в великом духовном свете, вознесенным ввысь житнетворным русским проповедником истинной религии – тем человеком, которого ожидают столь многие и который явится исполнить древнейшее из пророчеств».

В тексте Алисы Бейли, написанном в первой половине XX века, под Россией понимается Советский Союз, а под великой нацией – российский сверхнарод, тот современный суперэтнос, в который входят русский, белорусский и украинский этносы. И в то же время, тот самый сверхнарод российский, который в XVII веке, после объединения в одно государство, зачем-то двинулся на Восток. «Какими именно социально-экономическими условиями побуждаемый, – спрашивает Даниил Андреев в „Розе Мира“, – русский народ, и без того донельзя разреженный на громадной, необжитой еще Восточно-Европейской равнине, в какие-нибудь сто лет усилиями отнюдь не государства, а исключительно частных людей залил пространство, в три раза превышающее территорию его родины, пространство суровое, холодное, неуютное, почти необитаемое, богатое только пушниной да рыбой, а в следующем столетии перешагнул через Берингово море и дотянулся до Калифорнии?»

Но никаких конкретных социально-экономических побуждений для этого не существовало. Смысл, причем, метаисторический, был в другом. Экспансия на Восток превратила Россию из окраинной восточно-европейской страны в великую евразийскую державу, «заполняющую все полое пространство между Северо-западной, Романо-католической, Мусульманской, Индийской и Дальневосточной культурой (то есть между почти всеми культурами, ныне существующими) «... Можно догадываться, что это имело отношение к всемирно-историческому назначению России и что эти пространственные резервы должны послужить ареной для тех творческих деяний сверхнарода, свидетелем которых явятся XXI и XXII века. Культура, призванная перерасти в интеркультуру, может осуществить свое назначение, лишь тесно соприкасаясь со всеми культурами, которые она должна ассимилировать, объединить и превратить в планетарное единство.

По Даниилу Андрееву, миссия России (а он, как и Алиса Бейли, имел в виду единую – советскую – а не распавшуюся страну) – это создание интер-культуры. Есть и третье пророчество. Оно связано с явной склонностью нашего суперэтнуса к социальным экспериментам. Ни одна страна в мире никогда не рвалась строить новую социальность с таким энтузиазмом, как Россия, – то ли евразийскую многонациональную империю, то ли всемирное братство

трудящихся, и непременно с человеческим лицом, а лучше – с ликом ангельским, истинное царство справедливости, царство Божие на Земле. (А. и Б. Стругацкие) Ни разу это не удалось и не могло удастся, но кто рискнет утверждать, что эксперименты остановлены навсегда? Может быть, они продолжаются? Может быть, разбегание наших народов по разным квартирам с последующим строительством новой российско-белорусской, не исключено, что и российско-белорусско-украинской государственности и есть такой эксперимент? Может быть, подспудно идет становление идеального общества?..

Посвятительный импульс

Итак, сверхнароду российскому, российскому суперэтносу поручено Провидением создание сверхрелигии. Или сверхкультуры. Или сверхобщества. Или же миссия наша – в чем-то другом?.. Так или нет, выполнять ее всем нам вместе. Миссия сверхнарода падает на каждую из его ветвей. Потому что генетически, энергетически, геополитически, цивилизационно мы – одно. Мы одно и то же в сокровенном, сакральном плане. Доказательства? Они есть.

За два века до выхода славян на историческую сцену, а он, судя по сохранившимся историческим памятникам, пришелся на II век, праэтнос испытал пассионарный толчок, получил энергетический импульс, запускающий эволюцию, переводящий еще не структурированную, дремлющую, созревающую людскую массу в активное состояние, сообщающий волю и страсть вождям, первопроходцам, творцам новых идей и строителям новых городов. («Пассионарий» буквально означает «пламенный», «пассионарность» – это «пламенность», толкающая к недостижимым, идеальным целям, говорил Л. Н. Гумилев, обогативший этими понятиями науку.)

Пассионарный толчок, запустивший эволюцию славян, согласно изысканиям Л. Н. Гумилева, случился аккурат в нулевом году. И о нем возвестила знаменитая Вифлиемская, евангельская звезда, знак рождения Христа. Астрономически она являет собой тройное соединение на небосводе Марса, Юпитера и Сатурна и появляется раз в 400 лет. Четыре века – это Вифлиемский ритм. Его вычислил Иоганн Кеплер в 1608 году, во время очередного наблюдения евангельского светила. И оказалось, что воссияние звезды совпадает с климатическими потрясениями, этническими стрессами и массовыми поражениями психики.

Именно это и наблюдалось в начале XVI века в Европе и в Китае. В России катаклизм принял форму общего умопомешательства и породил двенадцатилетнюю великую Смуту, годы «безумного молчания народа», как назвал их Авраамий Палицын. Похожее поражение психики наблюдалось спустя почти 400 лет в Чернобыле. Не после взрыва на АЭС, а до него. Царило «коллективное сумасшествие» – неадекватность поведения, некритичность с потерей самоконтроля, потеря инстинктов самосохранения и сохранения рода, утрата смыслов и логики происходящего. Видимо, такое же сумасшествие наблюдалось в Беловежской Пуще, где три неадекватных президента со свитами невменяемых помощников убили большую страну, чтобы полновластно править на развалинах. Всеобщее помешательство, да позволит об этом сказать, поразило Украину, на референдуме проголосовавшую за «незалежность и самостийность» – вопреки историческому предназначению народа, вопреки его миссии?

Пассионарный толчок, случившийся в нулевом году, настроил древнерусский этнос и произошедший от него суперэтнос на «вифлиемский» ритм, на 400-летнюю периодичность развития. Уходящий период 1600—2000 годов можно назвать европейским, это время ориентации на Запад. Период 1200—1600 годов – татарским. Предыдущий период, занявший 400 лет от 800 до 1200 года, считается византийским. В эти столетия Русь отрекается от язычества, разбивает идолов, принимает православие. До этого длился норманский период (400—800 годы) – с призванием князей, с оформлением государственности, с военной славой, добываемой такими полководцами, как Святослав, потрясший Византию и уничтоживший извечных врагов хазар. Ну а что за период был на Руси до норманского, чем отмечены 400 лет, начиная с Рождества Христова? Медленным созреванием славян до начала славных дел, собиранием сил, после чего началось движение к морям и на Днепр.

Пассионарный толчок нулевого года сообщил праславянскому племени не просто энергетический, а посвятительный импульс. Через тысячу лет Владимир Святой, выбирая для Руси веру, предпочтет ту, которой не противилась душа, что казалась доброй, пристойной, достойной. Выбор православия был сделан по нравственным критериям, по принципу этического соответствия. Круг замкнулся.

Земля, лес, река

К моменту раскола в XIV веке эволюция древнерусского этноса закончилась. Крещением Руси подтвердилась настройка на вифлиемский ритм. Закрепились за русичами пограничные, промежуточные равнинные земли между Востоком и Западом, испытывающие постоянное давление со всех сторон. Прессинг Европы и степи станет обязательным, неустранимым фоном нашего существования, а задача снятия давления или хотя бы его отвода в безопасные области – вечной заботой российской власти. Ставить плотины на пути нашествий с Запада и с Востока будут и князья, и московские цари, и российские самодержцы. Не случайно же при царе Алексее Михайловиче расходы на оборону почти равны бюджету страны. И все же завоеватели то и дело бесчинствуют на Восточноевропейской равнине. Она обильно полита русской, белорусской, украинской кровью, ее отбивали у монголов, у тевтонцев, у ливонцев, у поляков, у шведов, у французов, у немцев.

Русская земля – объект почти сакральный. В «Слове о полку Игореве» это синоним самой Руси, Родины. И в то же время это равнина с лесами, полями, реками и болотами. Это вмещающий этнос и кормящий его ландшафт. Мы, русские, белорусы, украинцы, народ не морской, не горный, не степной, не пустынный. Мы не южане и не северяне. Мы даже не совсем европейцы, но, конечно, и не азиаты. Мы народ лесной, отчасти лесостепной, речной, озерный, болотный – изначально глухоманный, потаенный народ.

«Лес сыграл крупную роль в нашей истории, – пишет В. О. Ключевский. – Он был многовековой обстановкой русской жизни: до второй половины XVIII века жизнь наибольшей части русского народа шла в лесной полосе русской равнины... Лес оказывал русскому человеку разнообразные услуги – хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил домашней посудой и мочалом...» Несмотря на большие услуги, продолжает историк, лес не был искренне любим. Тяжкая работа топором и огнем, какую заводилось лесное хлебопашество, утомляла и досаждала. Так что отношение к лесу было двойственным. Как и к степи. Ее «доброе историческое значение», по Ключевскому, заключалось в раннем и значительном развитии хлебопашества на открытом черноземе, табунного скотоводства на травянистых пастбищах, а также в ее близости к южным морям, через которые днепровская Русь рано вошла в непосредственное соприкосновение с южно-европейским культурным миром. Но там же, в степи, обитал тысячелетний враг – «хищный азиат». Зато на реке наш народ оживал и жил с ней душа в душу. Он жался к реке, на ее берегу ставил свое жилье, село или деревню. Река в бездорожном лесном краю заменяла дорогу, приучала прибрежных обитателей к общению и общительности, «воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение».

Лес, степь, лесная или степная река... Их виды отличаются мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью и даже робостью тонов и красок... Нет, лучше сказать – умеренностью. Мы – умеренный народ, народ умеренного климатического пояса, склоняющегося к северной суровости, но не к южной благодатности. Мы должны укрываться от мороза, обогревать жилища, носить шубы и ездить на санях. Нам свойствен сезонный ритм жизни с зимней спячкой и летней бессонной активностью. Мы кормимся от пашни, от коровы (больше, чем от овцы), от реки и от леса. У нас навыки охотников, земледельцев, садоводов-огородников, рыбаков, бортников.

Тип эволюции

Ландшафт, среди которого Творец помещает народ, конечно, дается ему не случайно. Наш сверхнарод волей Всевышнего помещен на волнообразную плоскость, как характеризовал ее В.О.Ключевский, равняющуюся более чем девяти Франциям. На этой плоскости нет значительных гор ни меридианального, ни поперечного направления, поэтому «ветры, беспрепятственно носясь по всей равнине и мешая воздуху застаиваться, сближают в климатическом отношении места, очень удаленные друг от друга по географическому положению». Самая заметная черта Восточноевропейской, то есть, русско-белорусско-украинской равнины, подчеркивает историк, – это ее однообразие. Именно эта монотонная равномерность задает тип и скорость эволюции. Такие бескрайние разреженные пространства можно уподобить пологой волне без крутых подъемов и спадов, без резко выраженных гребней и впадин. Это ненапряженные структуры. Здесь эволюция идет качественно иначе, чем в естественным образом, от природы напряженных.

Внутренней энергетики напряженных структур достаточно для того, чтобы эволюционный процесс шел размеренно, если не сказать, планомерно, и, как это ни парадоксально, плавно, как регулярно заводимые часы. Изменения, рассчитанные на века, и занимают века, нигде чрезмерно не тормозя и не набирая хода. Развитие идет магистральным путем, не поворачивая вспять, не забредая в тупики. Попытки насильственного вмешательства отбрасываются, их последствия нейтрализуются. Все появляется в срок – ростки феодализма, капитализма, социализма, ростки парламентаризма – и в срок оформляются в феодализм, капитализм, демократию, социализм, парламентаризм, индустриальное общество, постиндустриальное, информационное, сетевое... Это – Европа.

Собственной энергетики ненапряженных структур не хватает для размеренной, последовательной, шаг за шагом эволюции. Чтобы подтолкнуть процесс, структуру надо напрячь. Сжать, как пружину... которая потом распрямится. О плавности хода тут говорить не приходится. Тут не часовая пружина, вращающая изящные колесики, тут могучая стальная спираль. Тут так: застой-рывок, застой – рывок. Застой долог, тягуч. Рывок короткий, сокрушителен. Застой – апатия, рывок – анархия, «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»... Это – Русь. Киевская, Московская. Это – Россия. Вместе с Малой Русью и Русью Белой. Это – СССР. Вместе с Украиной и Белоруссией, естественно.

Тип эволюции проявляется в характере и результатах реформ. По-видимому, первым неудачливым русским реформатором был князь Владимир, крестивший Русь в 988 году. Русь приняла православную веру, но за тысячу лет наш народ так и не стал истинно христианским народом, христианство разбавлено у нас язычеством, магическими культами, не говоря уж о сильном мусульманском, иудаистском и буддистском влиянии. Реформа Владимира Святого оказалась половинчатой. Реформы Петра I тоже осуществились лишь частично. Не доведена до конца ни одна из двух десятков крупных российских и советских реформ. Их обломками усеян весь исторический путь сверхнарода...

Но давайте уйдем от линейности и посмотрим на вещи иначе. Будем считать, что означенные попытки преобразований – это не оборванные реформы, а короткие и мощные эволюционные рывки. Причем, настолько мощные, что быстро удавалось приблизиться к педантично шагавшему Западу, а то и догнать его. Почти. Всегда – «почти» и всегда – «догнать». И в каких сферах? В военной технике. В образовании, в медицине. Может быть, в городской культуре. В быту. Но не в экономике. Не в уровне и качестве жизни. С точки зрения Запада, это неизменно догоняющий тип развития. С этой точки зрения, Запад неизменно демонстрирует опережающий тип. А вот с позиций эволюции напряженных и ненапряженных структур, это два равно возможных типа, два параллельных пути развития.

Этническая матрица

Хотим мы или не хотим, у нашего сверхнарода все-таки свой путь, прочерченный еще в период Киевской Руси. К моменту первого раскола должна было сложиться – чтобы потом клонироваться в каждой из относительно обособившихся ветвей – этническая матрица Руси-России. Она проста, всего три клетки на три. Что в них значит?

В клеточке «социальный биотип» записано – вожаческая стая, то есть – стадо (не в уничижительном, а просто в содержательном смысле). В клетке «социальный генотип» – традиционное общество, основанное на постоянно воспроизводящихся солидарных патриархальных отношениях типа семейных. А так как семья иерархична по природе, то по пирамидальному принципу организованы и все общественные ячейки – что дружина, что ватага, что купеческая гильдия, что мануфактура, что церковный приход, что колхоз, что государство. Так как традиционная семья нуждается в незыблемом авторитете главы, патриарха, российский сверхнарод выдвигает авторитеты, ориентируется на них, охотно признает их власть, более того, нуждается в опоре на власть авторитета. Им может быть как формальный лидер, например, династический правитель, так и неформальный вожак, как например, Ермак, за которым шли первооткрыватели далеких земель, выдвинувшийся из стаи когтистый, зубастый, сообразительный атаман типа Пугачева, наконец, нравственный учитель, каким был для современников Лев Толстой.

Теперь займемся клеткой «глубинно-социальный психотип». Каков он по природе, русский, украинец, белорус? Открыт. Нерешителен. Терпелив. Снисходителен. Неприхотлив – на грани аскетизма. Умерен – на грани бедности. Готов к предельному самоотречению, то есть способен умереть за правду, за веру, за «други своя», за любовь, за землю и волю... Склонен к самокопанию, к самобичеванию, к «выворачиванию себя наизнанку», в том числе (нередко) публичному, – так то и дело рвут на груди рубахи и мазохистски обнажатся персонажи романов Достоевского.

В клетке «доминирующий архетип» значит – континентальный аграрно-военный народ. Несомненно континентальный, несомненно аграрный. А вот военный ли? Несомненно и это: и Русь, и Россия, и Советский Союз всегда воевали, причем не только обороняясь, но также и нападая. Святослав брал Византию, Иван Грозный – Казань, Петр Первый – Азов, Александр Первый – Париж. При Александре началось покорение Кавказа, закончившееся в 1864. С 1867 года империя присоединяет Среднюю Азию, по-тогдашнему – Туркестан. Сталин присоединил Прибалтику, Западную Украину, взял Берлин. Ельцин и Путин брали Грозный.

Осталось заполнить две клетки матрицы. В них должны найти отражение происхождение сверхнарода и его культурно-духовная сущность. Что до первого, российский суперэтнос есть, понятно, евразийское сообщество, сформировавшееся в длительном взаимодействии русского ядра с окружающими племенами, народами и народностями. Наконец, его культурно-духовная сущность оформилась в результате сращения языческого и православного религиозного чувства с исламской и буддистской культурами.

Раскол? Нет, клонирование

Мог ли изменить эти корневые свойства сверхнарода раскол XIV века? Нет. Мало того, что они неизменны, что этнический, этический код постоянен (он сродни генетическому), ведь, к тому же, раскол был на самом деле не чем иным, как усложнением структуры. Народ раздвинул свои жизненные границы, разветвился. Разбегание привело к тому, что на месте одного этноса появился суперэтнос – группа этносов, одновременно возникающих в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность. Суперэтнос определяется не размером, а исключительно степенью межэтнической близости. Он, как и этнос, противопоставляет себя в лице своих представителей всем прочим суперэтносам. Принадлежность к сверхнароду, как и к народу, воспринимается человеком непосредственно, а окружающими констатируется как фундаментальный факт, не подлежащий сомнению. В основе этнической диагностики лежит ощущение отталкивания или симпатии, как в нашем случае. «Иди к нам, ты нам подходишь», – говорит белорус украинцу и русскому, русский – белорусу и украинцу, украинец – русскому и белорусу.

Раскалываясь, этнос как бы сам себя клонирует. Это необходимо, чтобы повысить сопротивляемость внешним ударам, чтобы и в самых жестоких обстоятельствах сохранить путеводную идею, чтобы увеличить число носителей той программы, что вдохнул Творец, – программы планетарной миссии. Растроение древнерусского этноса, ввиду сложности и ответственности предназначения, нам на роду написанного, ввиду общечеловеческой важности миссии сверхнарода (пусть ему самому и неведомой), – растроение это имело характер необходимости. И, что не менее важно, неизбежности. По причине радикального изменения планетарной ситуации. Предполагается, что именно в XIV веке совершенно сознательно был повернут ключ эволюции человечества и сознание человека перешло в новое эволюционное состояние. На смену созерцательной культуре древнего мира, окончательно выдохшейся к концу Средневековья, пришла динамичная культура интеллектуального индивидуализма.

Поразительно, но именно на рубежный XIV век приходится очередной пассионарный толчок, придавший российскому суперэтносу новое ускорение. Интервал между посвятителем и ее видимым проявлением составил, как и в событиях полуторатысячелетней давности, 200—300 лет. Энергетический импульс воспринят суперэтносом в XIV веке, объединение трех ветвей сверхнарода под крышей единого государства началось в XVII веке. Пассионарный толчок подвигнул украинцев и белорусов к возвращению в отчий дом. Они возвращались с таким чувством, будто из него и не уходили. Так, часть древних русов после раскола попала в самую гущу ляхов, промучалась в чуждой среде два века, не ассимилируясь, храня этническую чистоту, чтобы вернуться на пепелище Киевской Руси и в конце концов, уже под именем малороссов, добровольно и на условиях полного подчинения сложить незалежность к подножию трона московского царя.

Имперский ритм

Вернувшись под руку самодержца, Белая и Малая Русь включаются в имперский ритм. Это ритм не этнический, а государственный, ритм русской государственности. Он разворачивается не по законам периодических процессов, а в виде так называемых имперских рывков длительностью 144 года. Это, в сущности, время решения какой-то исторической задачи, причем, минимально потребное историческое время, за меньший срок справиться с проблемами не удастся ни одному государству. Первый рывок совершала Киевская Русь, в продолжении 144 лет решавшая задачу становления русской государственности. Второй рывок начался в 1353 году – в переломном, «осевом» XIV веке, сообщившем нашему сверхнароду новый импульс развития. В это 144-летие ему предстояло освободиться от монголо-татарского ига, обустроить Московское царство, превратиться из куколки в бабочку – из древнерусского этноса в российский суперэтнос. Сойдясь под крышей единого государства, он в 1653 году приступил к строительству великой евразийской империи – и за 144 года довел его до конца, а если бы даже и захотел бросить дело на полдороге, то не смог бы: из цикла нельзя выйти раньше времени, не достигнув поставленной цели, его надо отработать сполна.

Первооснова имперского ритма – прочно встроенная в мироздание, объективно существующая 12-элементная энергетическая структура. Она известна человечеству с незапамятных времен как «круг животных». Двенадцать «звериных лет» образуют 12-летний цикл, называемый у нас обычно восточным Зодиаком или восточным гороскопом. Этот цикл базируется на космических закономерностях. За двенадцать лет Юпитер – «планета счастья» – совершает полный видимый оборот относительно звезд на земном небе. Юпитерианский ритм задает ритм «звериного круга». К этому последнему привязаны ритмы истории, которые, таким образом, привязаны к ритму Юпитера. Стало быть, это ритмы Солнечной системы, ритмы космические. Стало быть, имперский ритм в российской истории – ритм космический. Стало быть, наша общая российская, русско-украинско-белорусская история – явление космическое.

Клуб на мосту

В согласии с космическим сценарием в XVII веке окончательно определяется геополитическое местоположение империи: она утрачивает значение буфера между степняками и рыцарями и преобразуется в мост между Востоком и Западом. Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа, это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа наложила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекло Азию. Эти слова с намеком на всемирное предназначение России и ее сверхнарода сказал не современный поборник идеи евразийства и не метаисторик Даниил Андреев, а традиционный историк Владимир Ключевский.

То, что России самой природой отведена роль моста, не может не иметь отношения к миссии. Мост не место для войн, для драк, для выяснения отношений. Сражение на мосту – это опасно, конструкция может обрушиться. Другое дело торговля... хотя и торговать все-таки лучше на предмостных площадях – на западной и восточной. По мосту должны ходить караваны. На мосту надо встречаться. Да, это евразийский клуб, место для контактов, для обмена идеями, для диспутов, для культурного взаимопроникновения, для интеграции – идейной, культурной, технологической, экономической, когда европейские высокие технологии объединяются с азиатским отношением к работе.

Жизнь на мосту – особая жизнь, иная, чем жизнь на западном и восточном берегах, иная, чем жизнь на предмостных площадях, и поменять ее на чисто европейскую либо чисто азиатскую невозможно. Мешает этический код сверхнарода.

Этический код

По утверждению Н. Бердяева, это самый небуржуазный народ в мире. Он боится роскоши, не хочет никакой избыточности, не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства, с большой легкостью преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякой нормированной жизни. Бердяев писал об «упоенности русским бытом, теплом самой русской грязи, вражде ко всякому восхождению». Купцы, промышленники хотят оставаться «на равнине», быть «как все». Чтобы взять барьер буржуазности, превратиться в степенных бюргеров, в сознательных представителей класса, создающего благополучие и устойчивость общества, они должны были преодолеть непреодолимое, перестать быть детьми своей страны, своего народа. Ибо, по словам Бердяева, «слишком ясно, что Россия не призвана к благополучию», что она «никогда не сколонялась перед золотым тельцом».

На Западе и на Востоке молятся на сундуки с золотом. А вот на Руси молиться на них было не хорошо, не принято, не достойно. «Там царь Кашей над златом чахнет», – читаем у Пушкина. Но кто такой «кашей»? Отверженный, отщепенец, изгой. Отщепенец тот, для кого злато самоценно. Чахнуть над ним может только тот, кто не понимает истинного смысла богатства, которое не цель, а средство для достижения гораздо более важных целей. Богатство – оно всегда для чего-то. Оно даровано свыше, вручено для хранения и распоряжения. Его дает в пользование Бог и Он же требует отчета... Скопить, чтобы пожертвовать, набить сундук золотом и отдать его на строительство больницы, водопровода, храма – вот что было естественным, вот в чем реализовывалось жизненное предназначение. Причем жертвовать полагалось тайно. Жертвователю помнил слова Христа: раз ты рассказал о своем добром деле, то уже получил мирскую награду и Бог тебе ничем не обязан, Он помогает тем, кто творит добро молча.

Наш народ – молчаливый народ. Потаенный. Народ с тайной... Народ, который не может одновременно служить Богу и мамоне (богатству). Эти слова Христа восприняты восточным христианством глубже, чем западным. Как и слова апостола Павла, что корень всех зол – сребролюбие. Стяжание считалось в православии одним из самых тяжких грехов. И вообще, экономическая деятельность признавалась служением низшего типа. Рационализация всей жизни – и производственной, и бытовой, и внутренней, и внешней, расчет каждого дня по минутам, подчинение принципам «время – деньги» и «пфеннинг к пфеннингу», то есть, как раз то, что составляет сердцевину западного бизнеса, согласно православной морали, не возвышает человека, не приближает его к святости. В православных святцах вы найдете имена воинов, монахов, но имен купцов там нет. Их уважали за инициативу, как, например, Афанасия Никитина, проторившего путь в Индию, а не за успехи в торговле.

«Призвана» или «не призвана» к благополучию страна, зависит от неизменного и консервативного этического кода сверхнарода. Это такой же серьезный, постоянный и неотменимый эволюционный фактор, как ландшафт. Для нас сродни генетическому православный этический код. Да, букве христианства мы действительно следуем не всегда. А вот духу... Взгляните на нашу историю. Периоды погруженности в материальное коротки и вроде бы случайны, зато периоды отрешенности от него длинны и кажутся закономерными. Ни один народ в мире никогда не пытался строить земную жизнь по небесным проектам, против этого предостерегал Сам Христос, говоря: «царство Мое – не от мира сего». Русь, Россия предостережению ни разу не вняла. Она ведь тоже несколько «не от мира сего», она ведь недаром зовет себя «Святой Русью».

Что ж, наша культура, наша история, наша небуржуазность дают основания для возвышенных размышлений. Но уместны они только там, где речь о явлениях верхнего уровня: своеобразии цивилизации, национальном характере, национальной идее, миссии сверхнарода. На этом уровне евангельская этика служит отличным регулятором поведения и отдельного

человека, и общества. На этом уровне естественная «высокая» аргументация. Богу – Богово. А кесарю? И кесарю свое отдай, вот ведь в чем дело. «Мирское», «дольнее» требует почтения. Относиться к нему следует со всей серьезностью. Пренебрежение материальным не прощается. Православная отрешенность от земного наказуема. Духовное и телесное равно правят жизнью, однако на разных этажах. Разделить эти уровни, казалось бы, несложно. Смиренно возложите на алтарь причитающееся Господу, отдайте кесарю кесарево. На практике за тысячу лет российский сверхнарод не научился разделять уровни. Мешает этический код, неизменный и консервативный.

В этом наше горе и наше счастье. На алтарь Всевышнего мы несем что ни попадя, кесарю явно недодаем. Служение Отечеству почитается честью со времен князя Игоря, рать которого «полегоша за землю Русскую». Но ведь кроме той страны, которой служат, ради которой умирают, о которой печалются, слагают песни и которую бесконечно возрождают и спасают, есть и другая страна – с вымирающими деревнями и отравленными полями, с воровством, пьянством, бедностью, убожеством и ложью. Кроме Святой Руси есть и не призванная к благополучию страна, не умеющая отделять зерна от плевел, расколота правителями вопреки воле десятков миллионов людей, разграбленная, униженная. Ей не надо возвышенно служить. Здесь требуется черная работа, скучная и противная расчистка помоек. Но существовать вне служения отмеченный Вифлиемской звездой сверхнарод органически не способен.

Поиск места

Служение – это наш путь к Богу. Но следствием эволюционного поворота XIV века стало равноправие всех оттенков служения, а их ровно столько, сколько служителей. Каждый странник должен выбрать свой собственный неповторимый путь к Богу. Эта мысль, уже практически усвоенная Европой, пробила в соборное сознание российского сверхнарода лишь теперь, спустя шесть веков. Еще каких-то 10—15 лет назад она была для нас абсолютно чуждой. А в середине, в начале прошлого века, во времена империй, коммунистической или царской – просто дикой. Потому что в империи, в соответствии с ее природой, казенный интерес всегда стоит выше личного, во все времена человек остается винтиком державной машины, а психология «винтика», разумеется, державная.

Развал советской империи привел к кризису соборного сознания, к потере самоидентичности. Люди перестали понимать, в какой стране они живут, какое место их страна занимает в мире, что ее ждет, на что рассчитывать гражданам. А понимать все это человеку совершенно необходимо. Когда рвется связь времен, подступает сумасшествие.

Теперь гражданам трех самостоятельных государств, возникших на развалинах общего, предстоит заново искать свое место и место своих стран, и эти поиски окажутся очень непростыми. Однако время простых, однозначных оценок и выводов безвозвратно уходит – реальность неизвестного расширяется, усложняются представления о мире, все более изощренным, многослойным, символическим становится его описание. Новое отношение к вещам, говоря словами Даниила Андреева, становится личной, житейской, будничной необходимостью. Не вооружившись новыми знаниями, не освоив новые подходы, просто не понять и не объяснить того, что происходит в наших странах. Линейная логика и рациональный анализ тут зачастую бессильны. Научные концепции, прекрасно зарекомендовавшие себя при объяснении ситуаций и прогнозировании процессов «у них», «у нас» отказывают. Ошибаются традиционные политэкономия, социология, политология. «Хотим в Европу!» – скандирует белорусская оппозиция, и аналитики расценивают это как «выступления народа против режима Лукашенко». Стереотипы не позволяют разгадать истинный смысл происходящего. А он имеет отношение не к злобе дня, а к вечности. На самом деле движение в сторону Европы означает достройку, расширение и укрепление западной оконечности моста между Востоком и Западом. Оппозиция даже не подозревает, что работает на общую миссию сверхнарода.

На Восточноевропейской равнине «все не так, как надо». Экономике развиваются по кому-то извилистому до дикости пути, который и в страшном сне не привидится западным экспертам и консультантам. Следуя высоколобым советам, все мы стараемся сделать как лучше, а получается как всегда и еще хуже. В этом безумии, бесспорно, есть своя система. Но какая?.. Нынешняя ситуация вообще на грани жутковатой мистики: советская империя разрушена, а три постсоветских государства – Россия, Украина, Белоруссия – живут в ее ритме, по сути, в ритме фантома! Таковы уж исторически-космические закономерности: входили мы в четвертый имперский рывок все вместе в 1881 году, большую часть 144-летнего пути прошли вместе. А как придется выходить из рывка в 2025 году – порознь или снова вместе? Так или иначе, наши страны (вместе или порознь) обречены жить по имперским законам еще четверть века, потому что раньше срока из цикла не выйдешь. Дело тут не в имперских амбициях России, дело в объективных закономерностях.

И украинцам, и белорусам, склонным иной раз обвинять русских в имперском мышлении, оно, сие мышление, тоже свойственно. Иначе и быть не может: 300 лет в составе империи даром не проходят. Да и как может мыслить тот, кто жил и живет в имперском ритме? И психология у украинцев с белорусами такая же державная, как у русских. Иначе и быть не может: все мы в недавнем прошлом были державными людьми. Разве социоцентричность – ориенти-

рованность сперва на общественные, и только потом на личные интересы – не наша общая черта? Разве наше общинное сознание не космоцентрично? Разве не сидит в нас крепко подсознательное убеждение, что сотни миллионов индивидуальных сознаний – всего лишь сотни миллионов листьев единого космического древа? А листику, как бы и о чем бы он ни шелестел, пристала скромность. Листик должен знать свое место в мире. Самодовольный, выпячивающий свое ничтожное «я» листочек? Это просто смешно, а если всерьез, неэтично. Пытающийся вырваться за границы «этического коридора» подражающий «отвязанному» американцу русский, белорус, украинец садится не в свои сани, напяливает сюртук с чужого плеча, короче, выглядит так, как выглядел бы он, раскрасившись наподобие африканского воина или вдев в нос увесистое кольцо.

Все пригодные для нашего сверхнарода варианты развития лежат в границах «этического коридора», все непригодные находятся за его пределами. Кажется, у нас может полыхнуть вроде бы на ровном месте, там, где в других культурах никогда ничего не случится. На Западе и на Востоке хорошо известны и с успехом применяются разнообразные социальные огнетушители, главные из которых – закон и деньги. Но мы всегда ставили благодать выше закона и денег, всегда шли своим особым путем. «Что русскому хорошо, то немцу смерть», – предостерегает народная мудрость, подразумевая справедливость обратного: что хорошо немцу, скверно для русского.

Вот исторический казус. Известно, рекламу изобрели русские предприниматели. Изобрели исключительно затем, чтобы двигать торговлю, самореклама практически исключалась. Купцы, промышленники вели себя всего лишь естественно. Русскому человеку не идет рекламировать себя, расписывать свои достоинства, выпячивать собственное «я», точно подметил Сергей Аверинцев. Поэтому, подражая в саморекламе раскованным американцам, мы выглядим неестественно и глупо. То, что выгодно для американцев, для нас убийственно. В чем дело? В глубинно-социальном психотипе, подталкивающем к самоотречению и рефлексии. Наш человек не самодовлеющ. В каком-то смысле он не самодостаточен, ибо органически ощущает себя частицей огромного целого. Неизмеримо большего, чем семья, коллектив, община, страна. Принадлежа к этим общностям на «дольнем» уровне, на «горнем» он принадлежит ко всему миру, к Космосу. Выражением этого мироощущения и стала философия русского космизма. Свой вклад в нее внесли мыслители, считающиеся по рождению украинцами и белорусами.

Так космоцентричность наряду с православием этически кодирует сверхнарод.

Цивилизационная генетика

Никто, верно, не решится отрицать, что выбор пути напрямую зависит от таких вещей, как национальный менталитет, национальный характер и национальный психотип. Они не просто важны, а первостепенно важны для бытия страны и ее народа.

Помните? «Что русскому хорошо, то немцу смерть». Народная мудрость предостерегает об этом не зря, не зря одновременно подразумевая справедливость обратного: что хорошо немцу, скверно для русского. Вот исторический казус. Известно, рекламу изобрели русские предприниматели, но изобрели исключительно затем, чтобы двигать торговлю, восславление самого производителя или самого продавца, то есть самореклама не входила в их намерения и почти не практиковалась. Сегодня это может показаться странным, но купцы и промышленники вели себя всего лишь естественно. Русскому человеку не идет рекламировать себя, расписывать свои достоинства, выпячивать собственное «я», точно подметил Сергей Аверинцев. Поэтому, подражая в саморекламе «отвязанным» американцам, мы выглядим неестественно и глупо – садимся не в свои сани, напяливаем сюртук с чужого плеча. То, что выгодно для американцев, для нас убийственно. В чем дело? В глубинно-социальном психотипе, подталкивающим к самоотречению и рефлексии.

Если сказать иначе, так, как сформулировал Н. А. Бердяев, Россия всегда ставила благодать выше закона и денег и в этом смысле всегда шла своим особым путем. Что это, как не наследственная черта?

Вопрос о выборе пути бесконечно тревожил Россию. Это вечный вопрос русского ума и вечная проблема нашей цивилизации. Кто мы – Европа, Азия, мост между Востоком и Западом или просто ни то, ни се, какие-то промежуточные земли? В чем наша миссия – если она существует? Какова всемирно-историческая роль страны (вот в том, что уж она-то у России есть, причем одна из главных в мире, у нас, наверно, никогда не сомневались)? Пока мы мучились над этими вопросами, соседи по планете, чуждые рефлексии, старались устроиться на ней поуютнее. В том числе – за наш счет. И так как нас использовали не раз и не два, так как каштаны из огня таскали нашими руками не только сильные, но и слабые, зато хитрые и наглые, то поневоле закрадывалась мысль, что мы в этом мире чужие, что мы к нему не приспособлены и не сумеем приспособиться... И то, небуржуазная страна не может быть своей в буржуазном окружении, а Россия – самая небуржуазная страна в мире, утверждал Бердяев, она боится роскоши, не хочет никакой избыточности, а сам русский человек не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства, он – странник, с большой легкостью преодолевающий всякую буржуазность, уходящий от всякого быта, от всякой нормированной жизни... Бердяев писал об «упоенности русским бытом, теплом самой русской грязи, вражде ко всякому восхождению». Купцы, промышленники хотят оставаться «на равнине», быть «как все». Чтобы взять барьер буржуазности, превратиться в степенных бюргеров, обеспечивающих стабильность общества, они должны были переступить через непреодолимое, перестать быть детьми своей страны, своего народа. Ибо, по словам Бердяева, «слишком ясно, что Россия не призвана к благополучию», что она «никогда не склонялась перед золотым тельцом».

...В октябре 1922 года, когда с российских просторов исчез даже призрак «золотого тельца», В. И. Вернадский записывает в дневнике: «Научная работа в России идет, несмотря ни на что...» А через полгода, уже в письме из Франции, усомнившись в идеалах эмиграции, не видя в ней силы, пишет: «А сила русская сейчас в творческой культурной работе – научной, художественной, религиозной, философской. Это единственная пока охрана и русского единства, и русской мощи».

Свойственная России творческая сила – обнадеживающая эволюционная черта. Но часто это сила перемешана с силой отчаяния. Как очистить творчество от отчаяния? Как сделать

российскую жизнь такой, чтобы творец не стоял на последнем рубеже, словно стойкий оловянный солдатик, не ложился на амбразуру, не спасал свое дело бегством за границу, не отстаивал достоинство и честь ценой жизни, а дышал полной грудью, творил на благо страны? Наверно, это можно сделать единственным путем: трансформацией цивилизационных особенностей.

О них принужден говорить каждый, кто хочет всерьез говорить о России. Более того, только о них, по сути, ему и придется говорить. Какие бы черты он ни собрался рассмотреть – те, что тормозят развитие страны, выбивают опору из-под ног, или, наоборот, те, что могут послужить основой для развития, – это, во многом, наследственно обусловленные черты. Неразделимая пара «национальный менталитет – национальный характер», порождающая дочерние взаимообусловленные пары противоположностей, такие, например, как «ресурсная избыточность – коммерческая недостаточность», видимо, задана России генетически. Поэтому наши цивилизационные особенности нельзя отменить, забыть, преодолеть, поменять на чужеродные. Нельзя за какие-то двадцать-тридцать лет «перестройки», «демократии», «капитализма» превратиться из умирающих в нищете кулибиных в преуспевающих эдисонов, и это грустно, но ведь нельзя также, хвала Господу, из пушкиных превратиться в дантесов.

Отменить наследственные черты нельзя. Приглушить мешающие, хуже того, позорящие страну, или наоборот, развить ценные можно, но не сразу и лишь до какого-то предела. А трансформировать? А трансформировать – необходимо.

Фактор «железной руки», генетическую склонность к деспотии – в сильную государственную власть при безусловном уважении к праву, соблюдении закона и равенству перед ним человека и государства в лице чиновника, бюрократа, любого – без исключений! – должностного лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.